

ИСТОРИЧЕСКАЯ И СРАВНИТЕЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ*

В статье рассмотрены основные теоретические подходы в мировой исторической социологии. Охарактеризованы концепции исторической социологии, представленные в работах ведущих американских и европейских исследователей. Выделены четыре направления глобально ориентированной исторической социологии: международная сравнительно-историческая социология; транскультурная сравнительно-историческая социология; историческая социология глобализации; историческая социология мирового общества.

Ключевые слова: историческая социология, социальная теория, исследовательская традиция, миросистема, глобализация, цивилизация.

Введение

Историческая и сравнительная социология, или так называемая новая историческая социология, продолжающая классические традиции довоенной исторической социологии, представляет собой особый взгляд на социологию в ее взаимосвязи с исторической наукой. По существу, это в первую очередь американский и британский подход к социологии: во Франции, Германии и других странах Западной Европы он почти не укоренился, хотя сейчас этот подход переживает второе рождение в центрально- и восточноевропейской социологии. В Германии основные причины этого заключаются в длительном перерыве в высокоразвитой социологической традиции, связанном с репрессиями нацистского режима, возрождением немецкой послевоенной социологии под воздействием американских социологических исследований и американской теории модернизации, отнесением новой исторической социологии преимущественно к историческим наукам, а позднее — к истории культуры; результатом всего этого стало то, что историческая социология еще не нашла определенного места в немецкой социологии. Но то же самое можно сказать и о других национальных традициях в европейской социологии.

* Перевод выполнен по: Spohn W. *Historical and Comparative Sociology in a Globalizing World* // *Historicka Sociologie*. 2009, 1, p. 9–27.

Шпон Вильфрид (1944–2012) — профессор Университета Геттингена и Университета Вроцлава. В 2006–2010 гг. был первым председателем тематической группы «Историческая и сравнительная социология» Международной социологической ассоциации. Автор многочисленных трудов по проблемам современной исторической социологии

Spohn Wilfried (1944–2012) — professor at the University of Göttingen and the University of Wrocław. In the years 2006–2010 he was the first president of the working group "Historical and comparative sociology" of the International Sociological Association. He is the author of numerous works on the problems of contemporary historical sociology

Тем временем историческая и сравнительная социология развивались, следуя американской модели, на европейском уровне в Европейской социологической ассоциации, а на международном уровне — в Международной социологической ассоциации (ISA). Так, Й. Арнасон, В. Кнёбль и я основали тематическую группу «Историческая и сравнительная социология» в ISA, эта группа сейчас находится в стадии консолидации и впоследствии будет трансформирована в рабочую группу и исследовательский комитет. *Проблемное* поле сравнительно-исторической социологии, имеющей тенденцию к интернационализации и глобализации, обусловлено тем, что она была создана в контексте сравнительных исследований модернизации, формировалась под воздействием методологического национализма и, таким образом, современная волна глобализации бросила ей серьезный вызов.

В данном контексте я в настоящее время работаю над книгой «Глобальные, множественные и запутанные модерны — исследование традиций и будущая повестка дня историко-сравнительной социологии», в которой предпринимается попытка дать систематический обзор новой исторической социологии сначала для немецкой аудитории, а затем, в английском переводе, и для международного сообщества. Основной вопрос — как сравнительно-историческая социология реагировала до настоящего времени на глобализацию мира, и как она должна развиваться в будущем, учитывая ее национальный и европоцентристский уклон. Параллельное развитие может быть рассмотрено на примерах двух дисциплин: социологии глобализации и мирового общества, мировой истории и глобальной истории. На этом фоне я хотел бы, во-первых, пояснить, что я понимаю под исторической и сравнительной социологией, или какие представления и исторические традиции считаю определяющими для данной науки. Во-вторых, я хотел бы очертить, какие типы глобальной исторической социологии находятся в процессе создания и должны разрабатываться наиболее основательно.

Видение и исследовательская традиция в новой исторической социологии

Что такое историческая социология? Каковы ее представления, исследовательская традиция и повестка дня, а также исследовательские перспективы? В поисках ответа на эти вопросы можно обратиться к трем недавним публикациям, в которых даются три различных базовых определения понятия исторической социологии. Это, во-первых, работа Дж. Махони и Д. Рюшемайера «Сравнительный исторический анализ в социальных науках» (Mahoney, Rueschemeyer 2003), во-вторых, работа Дж. Адамс, Э. Клеменс и Э. Орлофф «Передельывая модерн. Политика, социология и история» (Adams, Clemens, Orloff 2005), а также, в-третьих, «Настольная книга по исторической социологии» Дж. Деланти и Э. Исина (Delanty, Isin 2003). В указанных работах обнаруживается общее базовое понимание исторической социологии, но в то же время отмечаются различия в ее дисциплинарном, теоретическом и методологическом определении и, вместе с тем, специфическое разделение авторов, подходов и вопросов.

Начнем с общего. Как подчеркивается во всех трех работах, эпистемологическое и методологическое ядро исторической социологии основывается на предпосылке, что предмет социологии — это исторически изменяющаяся,

ограниченная в пространстве и времени социальная реальность, и что такой онтологический статус социологии влияет на социальную теорию, стратегию социологических исследований и методы анализа как прошлого, так и будущего. На основании указанных предпосылок историческая социология не должна определяться как отдельная отрасль социологии, но как особая теоретическая перспектива в рамках как общей социологии, так и специальных отраслей социологии. Соответственно, социальная теория служит основанием для связи пространственно-временного контекста, рефлексивно связана с историческими изменениями социальной реальности и занимается его структурными и случайными, постоянными и переменными, универсальными и культурными аспектами. Историко-социологический анализ концентрируется на историческом конституировании настоящего, на историко-социальных процессах в их общих и специфических составляющих, на их макро- и микроаналитических уровнях, а также на их социально-экономических, политических и культурных измерениях. Соответственно, он соединяет аналитические, конструктивистские, объяснительные и интерпретативные, количественные и качественные, исторические и сравнительные методы. Крайне важен сравнительный метод, поскольку он является инструментом, позволяющим описывать, интерпретировать и объяснять общие и различные черты социоисторического процесса, и этим объясняется, почему историческая социология часто определяется как сравнительная и историческая социология. Междисциплинарное взаимодействие между социальными науками существенно, но оно не заменяет ключевых целей поиска исторических источников, фокуса на исторические события и ориентации на нарративную историографию.

Несмотря на наличие общей перспективы, существуют значительные различия в эпистемологическом, теоретическом и аналитическом подходах к исторической и сравнительной социологии. Так, можно выделить три формы: социально-научный, культурно-научный и постдисциплинарно-рефлексивный тип исторической социологии. Во-первых, Дж. Махони и Д. Рюшемайер, а также коллектив авторов, таких как Дж. Голдстоун, П. Пирсон, К. Тэлен, Р. Голд, И. Катцнельсон и Т. Скочпол являются сторонниками социально-научно-ориентированной сравнительно-исторической социологии. Их ориентир — сравнительные модернизационные исследования политики и ее социальных основ, как, в частности, показано в работах С. Липсета, С. Роккана и С. Хантингтона. Точкой отсчета здесь являются стратегии историко-социальных исследований, сформулированные Т. Скочпол, Ч. Тилли и М. Манном, с помощью которых предпринимаются попытки объяснить и каузально интерпретировать социоисторические процессы, их различные формы, фазы и итоги путем систематического обращения к историческим случаям. Историческая перспектива, особенно в немецкой исторической науке, выражена здесь концепцией истории как социальной науки в той версии, в которой модернизационный подход трансформируется в социологическую форму национальной социетальной историографии. Социально-научная историческая социология направлена на объяснение «зависимых от колеи» макропроцессов социальных изменений с частичным их соотношением с институциональными структурами на мезо-

уровне и рационально-ориентированными действиями на микроуровне. Так, например, подобная комбинация историко-институционалистского подхода и теории рационального выбора представлена в Германии в актороцентрированном институционализме Р. Майнтц и Ф. Шарпфа, но для международного варианта данного подхода характерны более глубокая историческая ориентация и более широкий горизонт сравнения.

Во-вторых, Дж. Адамс, Э. Клеменс, Э. Орлофф и коллектив авторов, таких как Р. Берниацки, З. Мугабане, Дж. Стайнметц, Ф. Горски, М. Сомерс и Р. Брубакер, являются сторонниками более общей концепции культурно-научной исторической социологии, в рамках которой социально-научный подход к исторической социологии считается ограниченным и которая испытала влияние культурального поворота в исторических и социальных науках, а также конструктивистского, постмодернистского и постколониального подходов. В отличие от аналитического ядра социально-научного подхода к исторической социологии, в данном подходе существует значительное разнообразие изучаемых тем, включающих не только исторический макропроцесс становления национальной демократии и ее социальных, институциональных и практических оснований, но и религию, социальную политику и бюрократию, политическую борьбу и социальные движения, гражданские права и коллективные идентичности, экономические институты и культуры, кроме того — эпистемологические основания исторической социологии с точки зрения социального действия, глобализации и постмодерна. В частности, подчеркивается предпосылка культурального поворота в том, что историко-социальная реальность опосредуется или конструируется языком, культурой и знанием, следовательно, историческая социология особо нуждается в интерпретативных, герменевтических и деконструктивистских методах. Кроме того, этот подход соединяет в себе постмодернистскую и постколониальную критику преобладающего методологического национализма социально-научной исторической социологии. В этом направлении методологический фокус культурно-научной версии исторической социологии больше направлен на мезо- и микроанализ и интерпретацию исторического процесса и меньше на каузально-аналитическую перспективу сравнения и объяснения.

Третью концепцию исторической социологии представляет справочник, изданный под редакцией Дж. Деланти и Э. Исина. Здесь фокус направлен в первую очередь на европейских авторов (а именно на британских и некоторых немецких ученых, которые обсуждают, с одной стороны, европейское классическое наследие от К. Маркса, Э. Дюркгейма и М. Вебера до его возобновления в работах Н. Элиаса, Б. Нельсона и Ш. Эйзенштадта). В рамках этой концепции пересматриваются многочисленные современные подходы: от исторического материализма до теории модернизации, постмодернистской генеалогии и исторической семантики, а также продолжается рассмотрение многообразных классических тем, таких как: Восток и Запад, религия, нация, город, архитектура, память и моральное регулирование. Авторы данного справочника понимают свое видение исторической социологии как постмодернистское (выходящее за рамки национального государства периода модерна), посториенталистское

(стремящееся к преодолению разрыва между западничеством и ориенталистским уклонами) и постдисциплинарное в плане преодоления дисциплинарного разрыва между социально-научной и культурно-научной концепциями, столь характерное для американской и международной дискуссии и исследований (включая немецкое противостояние между историческими социальными науками и историческими науками о культуре). В основе своей воспроизводится концепция исторической социологии, которую я вслед за А. Саколчаи буду называть постдисциплинарно-рефлексивной, потому что она объединяет социально-научную и культурно-научную версии исторической социологии скорее в рефлексивно-теоретической, нежели в методологико-аналитической манере.

Подводя итоги данного краткого обзора, можно выделить три основных тенденции в поле исследования историко-сравнительной социологии. Во-первых, можно отметить наличие только одного заметного движения от историко-макросоциологической к мезо- и микросоциологическим ориентациям. Это наблюдается в разных вариантах исторического институционализма — и социально-научного, и культурно-научного, и в различных вариантах анализа действия — от теории рационального выбора до веберизма или герменевтических и деконструктивистских подходов в духе Фуко.

Во-вторых, можно отметить, что вместе с культуральным поворотом произошло заметное движение в направлении культурно-научного подхода и анализа, и это движение привело к значительной плюрализации сферы исследований исторической социологии. Таким образом, сравнительный метод потерял свое преобладающее положение в качестве «царского пути» в историко-социологических исследованиях, и теперь историческая социология во всем своем многообразии продвинулась в направлении теоретически ориентированной формы нарративной историографии.

В-третьих, это движение к социально-научной и культурно-научной форме мезо- и микроанализа соединяется с тенденцией, которую историческая и сравнительная социология приобрела в процессе глобализации и формирования мирового общества. Традиционно в исторической социологии выделяются три столпа такой глобальной ориентации. Во-первых, это историко-социологический анализ миросистемы И. Валлерстайна, который, однако, вследствие своего неомарксистского экономизма, оставался довольно спорным и выделился в отдельную форму. Во-вторых, это историческая социология глобализации М. Манна, который анализирует исторические изменения конфигураций между отдельными экономическими, политическими, военными и идеологическими измерениями глобализации. В-третьих, это исторический цивилизационный анализ Ш. Эйзенштадта, Й. Арнасона и Б. Виттрока, которые анализируют множественные формы модерна и их переплетения на всем протяжении мировой истории. Тем не менее, все эти три подхода теоретически и методологически придерживаются совершенно разных оснований и, таким образом, не образуют общей базы для исторической социологии. В дальнейшем я хотел бы обрисовать некоторые элементы глобальной социологии и глобальной истории, которые могут послужить основанием для такого рода глобально ориентированной исторической социологии.

Подходы к глобальной сравнительно-исторической социологии

С моей точки зрения, в социологии, как и в истории, можно выделить четыре параллельных способа анализа глобализации. Под глобализацией я, вслед за Р. Робертсоном и Я. Шолте (Robertson, Scholte 2006), понимаю возрастающую связность или сжатие мира в современную эпоху. Возрастающая связность мира усиливается, таким образом, как в материальных (социоэкономических, технологических, демографических, экологических, политических и институциональных), так и в культурно-когнитивных (коммуникативных и понимающих) процессах, которые взаимосвязаны между собой, но развиваются относительно автономно. В социологии выделяют четыре различных подхода к анализу этих многомерных глобализационных процессов: 1) модернизационные подходы предполагают рассмотрение процессов модернизации национального государства в качестве генератора глобального модерна; 2) транснациональные и транскультурные подходы рассматривают увеличивающуюся долю транснационального и транскультурного пространства в социально-экономическом, политическом и культурном измерении между национальными государствами; 3) на основе этих возрастающих множественных транснациональных и транскультурных связей развивается усиление глобальной связанности соответствующих трансформационных последствий в национальных формах модерна; 4) параллельно возникает и развивается мировое общество или мировая система, которая характеризуется различными формами материальной и когнитивной глобальности.

В исторических науках в недавнее время появились также параллельные концепции мировой и глобальной истории. Во-первых, под мировой историей часто понимается (хотя такое понимание все чаще подвергается критике) имеющая тенденцию к глобальности совокупность национальных историй, и это понимание дает возможность для глобального исторического сравнения регионов, цивилизационных комплексов и национальных государств. Во-вторых, существует быстро развивающаяся транскультурно и транснационально ориентированная история, которая изучает исторические взаимосвязи и взаимодействие между различными нациями, регионами и цивилизациями и, таким образом, сосредотачивается, в частности, на переходных отношениях и взаимном сравнении. В-третьих, хотя эти транснациональные и транскультурные отношения сосредоточены в специфических регионах, они, тем не менее, обеспечивают строительный материал для мировых связей процессов глобализации и являются предметом глобальной истории или истории глобализации. И, в-четвертых, следует выделить историю миросистемы или мирового сообщества, которая концентрируется на истории глобального порядка в его материальном и когнитивном измерении.

Объединяя эти четыре принципа в глобальной социологии и глобальной истории, я вижу четыре основные формы глобально ориентированной сравнительной исторической социологии. Как было отмечено, существуют особые исследовательские традиции, академически и теоретически развивавшиеся в разных направлениях и, таким образом, требующие более точной теоретической концептуализации и методологической ориентации. По моему

предположению, четыре формы глобально-ориентированной историко-сравнительной социологии — это: 1) глобально ориентированная международная сравнительно-историческая социология; 2) транснационально и транскультурно ориентированная сравнительно-историческая социология; 3) историческая социология глобализации; 4) историческая социология миросистемы или мирового общества. В дальнейшем я хотел бы рассмотреть эти четыре формы глобальной сравнительно-исторической социологии в соответствии с теоретическими подходами и стратегиями методологических исследований, тематически сконцентрировавшись на близкой моей компетенции сфере «образования государства, создания наций, национализма и коллективных идентичностей».

Международная сравнительно-историческая социология

Международная сравнительно-историческая социология во многом основана на «новой исторической социологии», преимущественно в ее социально-научной, а не в социально-культурной ориентации. Она имеет уже сформированное исследовательское поле, в которое входят такие ключевые вопросы, как образование государства, революция и демократизация, социальная политика, гражданские права и гражданское общество, а также формирование наций, национализм и этничность (ethnicity). Первоначально исследовались страны Западной Европы и Соединенные Штаты, затем западные страны были дополнены большим блоком незападных стран — Россия, Турция, Индия, Китай и Япония; позднее были добавлены страны Восточной Европы и Латинской Америки, одновременно историко-социальный анализ осуществляется в оставшихся странах и регионах Азии, Африки и Океании.

Наряду с ростом тенденции к использованию глобальных обзоров в международной сравнительно-исторической социологии, значительно увеличилось также количество сравниваемых случаев, умножилось число форм процессов модернизации путей их развития и временных последствий, увеличилось количество измерений и факторов, включенных в ее траектории, и, таким образом, в центр внимания перемещается вопрос о том, могут ли западный путь модернизации или западная модель развития быть применены к незападным обществам, или же западные и незападные общества одинаково следуют особым пространственно-временным путям развития, которые требуют историко-социологического и следственно-временного сравнения зависящих от колеи траекторий движения.

Международная сравнительно-историческая социология сосредоточивается на анализе исторических форм этих траекторий, выявлении общих и различных черт и пытается объяснить и интерпретировать их. Это направление следует отделять от сравнительной социологии как более общей социально-политической науки, целью которой является поиск транскультурных законов и правил, а также от международной сравнительной истории, которая стремится к исследованию и представлению течения национальной истории в последовательности событий на основе исторических источников, сосредотачивается на причинно-следственном сравнении индивидуальных компонентов и фаз

и развивает общие положения логики исторических процессов скорее с помощью индукции, чем с помощью дедукции.

Я хотел бы вкратце объяснить причины глобального расширения международной сравнительно-исторической социологии в соотнесении с темами новой исторической социологии образования наций и национализма. Решающей здесь является модернизационная теория национализма Э. Геллнера (Gellner 1983), в рамках которой рассматривается индустриализация и связанные с ней понятия разделения труда и социальной мобильности как основа для создания национально интегрированной высокой культуры и, таким образом, для конструирования национализма. Однако критика теории Геллнера показала, что существуют фундаментальные сложности с проекцией западноевропейской модели на другие регионы. Здесь можно отметить только М. Хроха (Hroch 1985) и его развивающуюся теорию возрождения малых наций Центрально-Восточной Европы, Э. Смита (Smith 2001), А. Гастингса (Hastings 1997) и мой сравнительный анализ Западной и Восточной Европы (Spohn 2003), который показывает взаимосвязь между образованием государства и религией, постмодернистский подход Б. Андерсона (Anderson 1983), который занимается представлением и конструированием национального сообщества и его распространения посредством «печатного капитализма», латиноамериканскую дискуссию (под влиянием Андерсона), где К. Ломнитц и А. Виммер (Lomnitz 2001; Wimmer 2003) показали на примере Мексики, что ни теория Геллнера, ни теория Андерсона не могут быть применены без учета особенностей, сохранившихся в постколониальных странах с их значительной этнической гетерогенностью и слабой инфраструктурной властью государства. Сходные трудности описываются в появляющейся литературе по образованию наций и национализму в Африке, исламском мире, а также в южной и восточной Азии. Не имея возможности более глубоко показать детали международной сравнительно-исторической социологии национализма, этот пример демонстрирует, что, несомненно, существует глобальное расширение этого исследовательского поля, что привело к значительной схожести разнообразных комбинаций общих структурных образцов и специфически культурных факторов образования наций, национализма и национальных идентичностей во всем мире.

Транснациональная и межцивилизационная сравнительно-историческая социология

Вторая версия глобальной исторической социологии возникла в ответ на критику социально-научного подхода в международно-сравнительной исторической социологии. Так, был поставлен вопрос о том, может ли односторонняя концентрация на структурных измерениях исторического процесса адекватно объяснить историко-социальную реальность в ее причинной сложности, или необходимо также учитывать культуру, познание и действие. Культуральный поворот на основе данных базовых категорий — и в неовеберовской герменевтике, и в фукодианском конструктивистском направлении — также трансформировал все исследовательское поле исторической социологии через мезо- и микроаналитическое обращение к институтам, сознанию, знанию,

идентичности, а также к индивидуальному и коллективному действию. Как следствие, возникает вопрос о том, являются ли предположения о преимущественно эндогенных изменениях национальных сообществ, абстрагирование от экзогенных воздействий и компаративистская предпосылка о независимых национальных единицах адекватными предположениями для международной сравнительно-исторической социологии. Эта критика направила внимание на межнациональные и межкультурные отношения и взаимодействия между национальными государствами и цивилизационными комплексами за пределами национальных государств.

Одним из самых влиятельных подходов, соединяющим культуральный поворот и транснационализм, представляется сравнительно-цивилизационная перспектива множественных форм модерна Ш. Эйзенштадта и его единомышленников Э. Тирьякияна, Й. Арнасона и Б. Виттрока (Arnason, Eisenstadt, Wittrock 2005). В отличие от преобладающих модернизационных подходов, этот сравнительно-цивилизационный подход предполагает, что глобальное распространение модернизационных процессов не идет рука об руку с глобально унифицированным модерном, а скорее происходит образование множества форм модерна. Основное положение этой теории — модерн формируется не только структурными процессами, но и политическими и культурными программами, которые базируются на различных основаниях и, следовательно, образуют различные типы модерна. Важным пунктом здесь является различие между цивилизациями «осевого времени», которые характеризуются принципиальным противоречием между земным и трансцендентным миром, и «неосевыми» цивилизациями, в которых отсутствует это противопоставление. В то же время это сравнение цивилизаций соединяется с глобально-историческим цивилизационным анализом с помощью попытки реконструировать появление, развитие и исчезновение цивилизационных комплексов и, тем самым, больше внимания уделить междцивилизационному обмену, конфликту и сотрудничеству в контексте мировой истории. В рамках представления о переплетенных модернах развивается также анализ транснациональных и транскультурных оснований глобализационных процессов.

И снова я хотел бы осветить вторую форму межнационально и межкультурно ориентированной глобальной исторической социологии на примере исследовательского поля «конструирования наций, национализма и национальной идентичности». В рамках сравнительно-цивилизационного подхода, с которого мы начнем, рассматриваются — параллельно с новыми культурными подходами в исследованиях национализма — культурные, религиозные и светско-религиозные измерения конструирования наций, национализма и национальной идентичности. Но в противоположность обычному двойственному разделению между гражданско-политическим и этническо-примордиальным кодами образования национальной идентичности, здесь представлен еще и третий культурно-религиозный код, анализируемый, в частности, Й. Арнасоном и Ш. Эйзенштадтом на примере Японии (Arnason 1997; Eisenstadt 1996). Существует также особый акцент на напряженности между прагматико-плюралистическим и утопико-хилиастским измерениями в цивилизациях «осевого времени», которые в современную эпоху проявляются в формах религиозного или политического фундаментализ-

ма. Кроме того, существует особый подход к всеохватывающим цивилизационным комплексам и связанным с ними взаимодействиям и конфликтам между этническими и национальными группами — можно отметить, к примеру, интересное сравнение Индии и Европы, проведенное Ш. Эйзенштадтом, касающееся определенных общностей в структурном и культурном плюрализме, которые различаются типом политической централизации и культурно-институциональных оснований. Наконец, ключевым вопросом здесь являются исторически меняющиеся отношения между различными цивилизациями, которые сказываются на кристаллизации, развитии и трансформации цивилизационных комплексов. Й. Арнасон и Ш. Эйзенштадт показали это на примере долгой истории цивилизации Японии, Л. Ронигер и К. Вайсман (Roniger, Weisman 1992) вместе с Ш. Эйзенштадтом выделили множественные согласованные взаимоотношения между Европой, Северной Америкой и Латинской Америкой, а Д. Зашенмайер и Й. Ридель (Sachsenmeyer, Riedel 2002) указали на наличие таких же взаимоотношений между Европой и Китаем. Даже если кто-то критически отнесется к такой долгосрочной аргументации в этих цивилизационных исследованиях и потребует микросоциологического институционального или социоэкономического основания, которое было недавно привнесено В. Кнёблем (Knöbl 2007) в его книге «Случайность модерна», нет сомнения, что сравнительно-цивилизационный подход даст основание для историко-сравнительного анализа в сотрудничестве с соответствующими подходами в глобальной истории.

Историческая социология глобализации

Третья форма глобальной исторической социологии концентрируется на структурных процессах и паттернах конфигурации в генезисе и развитии транскультурных, транснациональных и трансцивилизационных сетей в их возрастающем глобальном охвате и уплотнении. Точка отсчета исторической социологии глобализации — это скорее разнородная социологическая и междисциплинарная дискуссия и исследование современных форм глобализации. Основное внимание здесь уделяется экономическим проблемам глобализации, как, например, указывается М. Уотерсом; но это направление также сопровождается исследованиями политических процессов глобализации в работах Д. Хелда (Held 2005) и Р. Цюрна, а также исследованиями культурных процессов глобализации, например, в работах А. Аппадурай (Appadurai 2001) или Р. Робертсона (Robertson 1992). Очевидная опасность таких исследований глобализации заключается в изоляции современных процессов глобализации от их множественного социального и цивилизационного контекста и восприятию их как исторически независимых единиц безотносительно ко времени и месту. Эта опасность глобализма идет рука об руку с преждевременным диагнозом отмирания национального государства, но ему противостоят, например, трансформационистский подход Д. Хелда, Д. Макгрю и других, которые анализировали отношения между национальными государствами и глобализацией (Held et al. 1999), или социологические подходы Р. Робертсона и М. Манна (Mann 1986/1993), которые выделяли изменение конфигурационных отношений между различными измерениями глобализации в различных исторических фазах.

Следующие точки отсчета для исторической социологии глобализации — это исторические подходы к истории глобализации. Здесь история транснациональных и транскультурных сетей и взаимосвязей исследуется систематически и служит строительным материалом для быстрого развития историографии глобализации. Предшественницей здесь снова является американская и британская историография, которая внесла большой вклад в то, что Дж. Хобсон называл восточными истоками Запада, как, например, в анализе отношений между Европой и Китаем К. Померанца (Pomeranz 2001), роли Индии Ч. Бейли или исламизирующейся цивилизации М. Ходжсона (Hodgson 1994). В немецком контексте значительный вклад в исследования такого типа внесли в особенности Ю. Остерхаммель (Osterhammel 2001) и С. Конрад (Conrad, Randeria 2002), стоит только отметить работу Остерхаммеля под названием «Разочарование Азии», посвященную отношениям Востока и Запада в XVIII в., а также его совместный с Н. Петерсоном труд «История глобализации. Измерения, процессы и временные интервалы», или работу С. Конрада «Глобализация и нация в Германской империи».

Между этими двумя упомянутыми дисциплинами — социологией современной глобализации и историей глобализации — именно историческая социология глобализации должна концентрироваться на сравнительном анализе, интерпретации и объяснении межкультурных и межцивилизационных взаимодействий и взаимоотношений в различных регионах мира и на исторических фазах глобализации с разной степенью, различными уровнями, масштабами и интенсивностью глобализации. Я дам также здесь некоторую подсказку, относящуюся к упомянутой теме строительства наций, национализма и коллективных идентичностей. Ключевой момент здесь — взаимоотношения между образованием империи, построением национального государства и коллективной идентичностью в разных фазах глобализации. По Э. Хопкинсу (Hopkins 2002), можно выделить четыре основные фазы глобализации. В архаичной фазе плотность глобализации невысока, но она еще пронизывает смежные цивилизации и империи, как это показано у Й. Арнасона на примере Японии и Китая, у В. Рейнхарда (Reinhard 1999) на примере Римской империи и Европы или у М. Ходжсона на примере с несколькими центрами исламской цивилизации. Эти изменения образовывались на доиндустриальной и индустриальной фазах глобализации одновременно с усилением гегемонии европейского мира, когда возникали сложные долгосрочные взаимоотношения между европейскими державами и их колониями, которые, несмотря на наличие властной асимметрии, влияли друг на друга — как показано у Х. Лемана и П. ван дер Веера (Lehmann, Veer 1996) в случае с Британией и Индией, или у Э. Пагдена (Pagden 2003), сравнивающего европейские колониальные империи: Британию, Испанию и Францию. Особый интерес здесь вызывает сравнительный анализ «цивилизационных миссий» Б. Барта и Ю. Остерхаммеля. Только при сравнении этой фазы модерна с современной постколониальной фазой глобализации было бы возможно более точно определить трансформации цивилизаций, империй, наций, этносов и родственных коллективных идентичностей, связанные с усиливающимся сжатием современного мира в целом.

Историческая социология мирового общества

Четвертая и последняя форма глобальной исторической социологии занимается не только индивидуальными измерениями глобализации и их регионально-культурными формами, но и общей структурой появляющихся миросистемы и мирового сообщества. Как уже было отмечено, центральной точкой отсчета здесь, в исторической социологии, были теория и анализ капиталистической миросистемы И. Валлерстайна, а также множество последовавших за ним критических исследований: например, Дж. Абу-Луход, Дж. Арриги, Т. Хопкинс и К. Чейс-Данн (Arrighi 1994; Chase-Dunn 1990) внесли вклад в понимание доисторических, переходных и современных трансформаций капиталистической миросистемы. Затем в социологии появилось множество социологических подходов к мировому обществу, в рамках которых предпринимались попытки преодолеть экономическое и эволюционистское предубеждение этого политико-экономического подхода — здесь можно отметить теорию мирового общества Н. Лумана (Luhmann 2004), в которой выделяются глобальные коммуникативные структуры, развиваемые впоследствии его учеником Р. Штихве; подход мир-государства Дж. Майера и его стэнфордских коллег, который концентрируется на институциональных и культурных измерениях рационализирующейся мировой культуры (Дж. Боули и Ф. Лечнер в своем исследовании мировой культуры), а также рефлексивный подход У. Бека (Beck 1998), который свел воедино множество течений в дискуссии о глобализации и мировом обществе в космополитической перспективе.

Однако для социологических подходов, противостоящих теории миросистемы Валлерстайна, характерно то, что они являются скорее гетерогенными и только избирательно переходят в историко-социологическую исследовательскую программу по появлению, развитию и современным трансформациям мирового общества. Здесь было бы абсолютно необходимо использовать новые подходы в транснациональной и транскультурной глобальной истории и истории глобализации, а также скомбинировать различные историко-социологические подходы к цивилизационному анализу и исследованию глобализации в систематическую историческую социологию мирового общества. Так, в транснациональной и транскультурной глобальной и глобализационной истории будет резко увеличиваться историческое знание о многообразных отношениях между различными цивилизациями, государствами и культурами во многих измерениях и фазах глобализации. Историко-цивилизационное сравнение на длительном промежутке времени внесет вклад в сравнительное описание и анализ взаимодействия между различными цивилизационными комплексами. А историческая социология глобализации даст возможность пространственно-временного сравнения исторических и региональных вариаций транснациональных, транскультурных и трансцивилизационных моделей отношений.

На основе вышесказанного, историческая социология мирового общества будет иметь следующие задачи: 1) синтезирующий анализ форм и изменений взаимосвязанных, но относительно автономных мировых социетальных структур в их многообразных экологических, технологических, социально-экономических, политических, культурных и когнитивных измерениях; 2) синтезирующий анализ

экономических, политических и культурных властных иерархий, когнитивного восприятия и форм легитимации между различными центрами и перифериями мирового общества; 3) сравнительный анализ прошлых и настоящей форм мирового общества в их структурных моделях, иерархиях власти и формах легитимации; и 4) сравнительный анализ различных степеней, сфер и интенсивности сетей и их влияния на структуру мирового общества в различных фазах глобализации. Этим макросоциологическим подходам снова приходится основываться на систематических мезо- и микроаналитических исследованиях, целью которых является сравнительная интерпретация и объяснение основных компонентов, частей и механизмов всеобщей глобальной системы. Эта историческая социология миросистемы не может, как в случае Валлерстайна, Лумана или Майера, проектировать дедуктивную и селективную модель мирового общества или миросистемы, основываясь на мировой и глобальной истории, но она могла бы сосредоточиться на синтетически-аналитических способах разнообразных исторических конфигураций в тех или иных структурных измерениях в разных регионах и фазах и на этих исторических основаниях попытаться объяснить развивающееся мировое общество в настоящем. Ключевые темы здесь — это взаимоотношения между различными измерениями мировой экологии, мировой экономики, мировой политики, мировой культуры и соответствующих властных иерархий между центрами и перифериями как в материальном, так и в когнитивном планах, а также трансформация отношений власти национальных государств, цивилизаций, индивидуальных и коллективных акторов в эволюционирующей мировой истории.

Заключение

Я попытался выделить направления, в которых историко-сравнительная социология, в своем классическом основании и на модернизационном фоне, до сих пор обращается к современным вызовам глобализирующегося мира и должна ответить на эти вызовы в будущем. Я выделил четыре направления, которые кажутся мне особенно важными: 1) международная сравнительная историческая социология; 2) транснациональная и трансцивилизационная историческая социология; 3) историческая социология глобализации; и 4) историческая социология мирового общества. Я надеюсь, что мне удалось показать, что такая глобальная историческая социология во многом критична к преимущественно внеисторичной социологии глобализации и мирового общества, но она также не идентична глобальной истории и историографии глобализации. Скорее, глобальная историческая социология, занимая междисциплинарное и трансдисциплинарное промежуточное положение по отношению к референтной ей дисциплине социологии, напрямую следует системной ориентации на историзацию и контекстуализацию, а по отношению к референтной ей дисциплине истории — систематической теоретической и рефлексивной ориентации. В этом плане глобальная историческая социология не только в основе своей зависима от обеих референтных дисциплин, но также способна вносить в них вклад в теоретико-рефлексивном, методологическом и исследовательско-аналитическом ключе.

Перевод с английского А.В. Шкерина под редакцией М.В. Масловского

Литература

- Adams J., Clemens E., Orloff A. (eds.) *Remaking modernity: Politics, history, sociology*. Durham: Duke University Press, 2005.
- Anderson B. *Imagined communities*. London: Verso, 1983.
- Appadurai A. (ed.) *Globalization*. Durham: Duke University Press, 2001.
- Arnason J. *Social theory and Japanese experience: The dual civilization*. London – New-York: Kegan Paul International, 1997.
- Arnason J., Eisenstadt S., Wittrock B. (eds.) *Axial age civilizations and world history*. Leiden: Brill, 2005.
- Arrighi G. *The long twentieth century: Money, power and the origins of our times*. London: Verso, 1994.
- Beck U. *Politik der Globalisierung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1998.
- Chase-Dunn Ch. *Global formation*. Cambridge University Press, 1990.
- Conrad S., Randeria S. (eds.) *Jenseits des Eurozentrismus. Postkoloniale Perspektiven in den Geschichts- und Kulturwissenschaften*. Frankfurt am Main: Campus, 2002.
- Delanty G., Isin E. (eds.) *Handbook for historical sociology*. London: Sage, 2003.
- Eisenstadt S. *Japanese civilization: A comparative view*. Chicago: Chicago University Press, 1996.
- Gellner E. *Nation and nationalism*. London: Verso, 1983.
- Hastings A. *The construction of nationhood: Ethnicity, nationalism and religion*. Cambridge University Press, 1997.
- Held D. et al. *Global transformations: Politics, economics and culture*. Stanford: Stanford University Press, 1999.
- Held D. *Democracy and the global order*. Cambridge: Polity, 2005.
- Hodgson M. *Rethinking world history: Essays on Europe, Islam and world history*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Hopkins A. (ed.) *Globalization in world history*. London: Pimlico, 2002.
- Hroch M. *Social preconditions of national revival in Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Knöbl W. *Die Kontingenz der Moderne. Wege in Europa, Asien und Amerika*. Frankfurt am Main: Campus, 2007.
- Lechner F., Boli J. *World culture*. Oxford: Blackwell, 2005.
- Lehmann H., Veer P. *Nation and religion*. Princeton: Princeton University Press, 1996.
- Lomnitz C. Nationalism as a practical system: Benedict Anderson's theory of nationalism from the vantage point of Spanish America, in: Centeno M., Lopez-Alves F. (eds.) *The other mirror: Grand theory through the lens of Latin America*. Princeton: Princeton University Press, 2001, pp. 329-359.
- Luhmann N. *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2004.
- Mahoney J., Rueschemeyer D. (eds.) *Comparative historical analysis in the social sciences*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Mann M. *The sources of social power*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986 / 1993. Vol. 1-2.
- Osterhammel J. *Geschichtswissenschaft jenseits des Nationalstaats. Studien zu Beziehungsgeschichte und Zivilisationsvergleich*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2001.
- Pagden A. *Lords of all the worlds*. London – New Haven: Yale University Press, 2003.
- Pomeranz K. *The great divergence: China and Europe in the making of the modern world*. Princeton: Princeton University Press, 2001.
- Reinhard W. (ed.) *Verstaatlichung der Welt?* München: Oldenbourg, 1999.
- Robertson R. *Globalization: Social theory and global culture*. London: Routledge, 1992.

Шпон В. Историческая и сравнительная социология в глобальном мире

Robertson R., Scholte J. (eds.) *Globalization*. London: Sage, 2006.

Roniger L., Weisman C. (eds.) *Globality and multiple modernities: North and Latin America in comparative perspective*. Leiden: Brill, 1992.

Sachsenmeyer D., Riedel J. (eds.) *Reflections on multiple modernities: Europe, China and other civilizations*. Leiden: Brill, 2002.

Smith A. *Nationalism*. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Spohn W. Nationalismus und Religion in West- und Osteuropa. Einhistorisch-soziologischer Ansatz, in: Minkenber M., Willems U. (eds.) Politik und Religion. *Politische Vierteljahresschrift*. 2003, Sonderheft 33, S. 323-344.

Stichweh R. *Die Weltgesellschaft: Soziologische Analysen*. Frankfurt am Main, Shurkamp, 2000.

Wimmer A. *Nationalist exclusion and ethnic conflict. Shadows of modernity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.